

УДК 930:355/359.07

«КОМИССИИ ПРЕДСТОИТ ВОЗВЕСТИ...» ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ВОЙСКОВЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ В ИРКУТСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В 1908–1910 гг.

© Авилов Р.С.

Статья посвящена анализу опыта организации работы войсковых строительных комиссий в Иркутском военном округе в 1908–1910 гг. Этот округ был воссоздан в 1906 г., вскоре после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг., причем на этот раз в его состав была включена и Забайкальская область, бывшая в 1884–1906 гг. частью Приамурского военного округа. В то же время после войны в округе заметно возросла численность войск, изменилась их дислокация, и остро встал вопрос о необходимости их казарменного размещения. Казармы строились силами 10 войсковых строительных комиссий, специально созданных в округе для этой цели, которые на начальном этапе своей деятельности столкнулись с рядом трудностей, но в целом зарекомендовали себя прекрасно.

Ключевые слова: Иркутский военный округ, войсковые строительные комиссии, русская армия, дислокация, военное строительство, Восточная Сибирь.

«COMMISSION IS GOING TO BUILD...» THE EXPERIENCE OF THE MANAGEMENT OF WORK OF THE FORCE BUILDING COMMISSIONS IN IRKUTSK MILITARY DISTRICT IN 1908–1910

© Avilov R.S.

This article examines the experience of the management of work of the Force Building Commissions in Irkutsk Military District in 1908–1910. This Military District was creating again in 1906, soon after the Russian-Japanese War of 1904–1905, and at this time the Transbaikalian Region was included into it. Earlier in 1884–1906, it was a part of Priamursky Military District. At the same time after the war there was increased the forces strength in Irkutsk Military District, their dislocation were changed, and the question of their hosting became the question of the hour. The barracks were been built by ten Force Building Commissions, which were specially created for it in this Military District. There were many problems in the early stage of the work, but generally, the Commissions have given a good impression of themselves.

Key words: Irkutsk Military District, force building commissions, Russian Army, dislocation, military building, Eastern Siberia.

В последнее время история Иркутского военного округа все чаще вызывает интерес историков [3; 20; 22], что не удивительно — в советское время изучению военной истории Сибири и Дальнего Востока во 2-й половине XIX — начале XX в. внимания уделялось значительно меньше, чем исследованию Европейской России. Подобная ситуация имела как плюсы, так и ощутимые минусы. К числу последних относится и явная односторонность оценки многих мероприятий (реформ, хозяйственных нововве-

дений и т. п.), эффективность которых анализировалась, а, соответственно, и оценивалась, сугубо на основе опыта европейских военных округов Российской империи, в то время как опыт округов Сибири и Дальнего Востока вообще не рассматривался. В то же время, в силу целого комплекса географических, экономических и социальных факторов, именно на этих территориях значительная часть общероссийских армейских нововведений начинала давать сбои или приносила плоды, весьма далекие от

ожидаемых, вплоть до противоположных. Даже самая тщательно продуманная мера, вроде распоряжения о строительстве полковых патронных сараев исключительно из кирпича, в целях снижения пожарной опасности рисковала наткнуться в имперской глуши на какое-нибудь непреодолимое препятствие в виде полного отсутствия кирпичного производства на тысячи верст вокруг.

Многие из этих факторов и сегодня продолжают оказывать влияние на службу войск, дислоцирующихся за Уралом, в связи с чем анализ исторического опыта, в том числе времен Российской империи, приобретает огромное практическое значение, тем более что опыт этот был во многом положительным. Примером могут служить революционные нововведения 1909 г. в области организации казарменного строительства, в результате которых был практически полностью решен в том числе и вопрос казарменного размещения войск всего Приамурского военного округа. Офицеры получили удобные квартиры в кирпичных флигелях, а нижние чины разместились в добротных кирпичных казармах. Вся строительная операция заняла не более четырех с половиной лет [1, с. 139–159; 2, с. 366–368], при том, что списочный состав нижних чинов и офицеров в округе составлял, по данным на 1 января 1911 г., 100 321 и 3044 чел., на 1 января 1912 г. – 126 271 и 3038 чел. соответственно [12, с. 324, 341]. Качество построек оказалось таким, что они в большинстве своем благополучно пережили все катаклизмы XX в. и в значительной степени до сих пор используются по прямому назначению.

Для Иркутского военного округа проблема организации казарменного строительства в период между Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой 1914–1918 гг. войнами по-прежнему остается одной из самых малоизученных. В рамках данной статьи будет уделено внимание лишь началу процесса организации работы войсковых строительных комиссий в Иркутском военном округе в 1908–1910 гг., дальнейшее изучение которого требует не только серьезных архивных изысканий, но и некоторых полевых исследований.

Иркутский военный округ был воссоздан по окончании Русско-японской войны 1904–1905 гг., поскольку созданный в 1899 г. Сибирский военный округ [17, т. 19, № 17214; 18] не оправдал в полной мере возложенные на него надежды [см.: 4, с. 15–21]. На этот раз он воссоздан с полноценной системой военно-окружного управления, несколько адаптированной к условиям региона. Обязанности Командующего войсками округа возложили на Иркутского генерал-губернатора. Возросла и территория округа, в который кроме Иркутской и Енисейской губерний и Якутской области вошла также Забайкальская область, ранее находившаяся в составе Приамурского военного округа [17, т. 26, № 27565]. Площадь округа составляла 142 511 миль² т. е. больше территории Европейской России вместе с Финляндией и Предкавказьем (100 468 миль²), а население, по данным на 1911 г., – 2 683 000 чел., т. е. 19 чел. на 1 миль² территории [5, с. 24]. 12 мая 1906 г., после проработки деталей указанных преобразований был отдан соответствующий приказ по военному ведомству [19]. Новый округ начал функционировать 2 октября 1906 г. [15, с. 33–34].

Поскольку к моменту воссоздания округа значительная часть войск находилась еще за его пределами, первым и важнейшим вопросом, ставшим перед окружным начальством, была разработка и предоставление в Главный штаб для Высочайшего утверждения нормальной дислокации мирного времени для возвращавшихся частей. А поскольку их количество существенно превышало численность войск, дислоцировавшихся на вошедших в состав округа территориях до войны, то работа не была завершена даже к 1907 г. Задержка была вызвана необходимостью предварительно выяснить условия постройки казарм в пунктах, намеченных для квартирования войск, и окончательно решить вопрос о размещении перебрасываемой в начале 1907 г. из Маньчжурии 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии [6, с. 15]. Со всем этим худо-бедно разобрались только в 1908 г., когда и была утверждена нормальная дислокация войск Иркутского военного округа [7, с. 11]. Здесь нужно отме-

№ 292.

С.-Петербургъ. Мая 12-го дня 1906 года.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ въ 17-й день Марта сего года благоугодно было Высочайше повелѣть:

1) Образовать Иркутскій военный округъ изъ губерній: Иркутской и Енисейской и областей: Якутской и Забайкальской съ возложеніемъ на Иркутскаго Генераль-Губернатора обязанностей Командующаго войсками въ семь округъ и наименованіемъ его «Иркутскимъ Генераль-Губернаторомъ и Командующимъ войсками Иркутскаго военного округа».

2) Оставить въ составъ Сибирскаго военного округа губернія: Тобольскую и Томскую и области: Акмолинскую и Семипалатинскую, переименовавъ ихъ въ «Омскій военный округъ».

3) Включить въ составъ Иркутскаго Генераль-Губернаторства Забайкальскую область, выдѣливъ ее изъ Приамурскаго Генераль-Губернаторства.

(По Главному Штабу).

Рис. 1. Приказ по военному ведомству № 292 от 12 мая 1906 г. о воссоздании Иркутскаго военного округа и вхождении в его состав Забайкальской области (копия)

тить, что сами возвращавшіеся войска в округе пришлось принимать, не дожидаясь окончательнаго решения вопроса об их будущем размещеніи, что породило колоссальное количество сложностей и имело самые печальные послѣдствія в плане размещенія прибывающих частей и соединений.

Существенно ухудшало ситуацию и то, что параллельно с этим в Военном министерствѣ пытались наконецъ определиться с общими взглядами на концепцію обороны государства, разрабатывали общероссийскую военную реформу, а, соответственно, и решали вопрос о численности и составе частей и соединений, которые по новымъ условиям и необходимо было иметь в каждомъ военномъ округѣ [28, с. 113–145]. Это тоже сильно оттягивало начало работ по масштабному казарменному строительству, поскольку именно от решения всехъ этихъ вопросовъ зависел окончательный выборъ пунктовъ постоянного квартированія войскъ, а значит, и местъ строительства казарменныхъ городковъ. До этого времени дислокація войскъ определялась во многомъ фактическими возможностями ихъ размещенія, т. е. наличиемъ помещений и удаленностью населенныхъ пунктовъ отъ железной дороги,

по которой войска, в случае начала войны, надлежало в максимально короткіе сроки перебросить либо на Запад, либо на Восток.

Характерно, что когда к 1910 г. в Военномъ министерствѣ наконецъ определились с новой дислокаціей войскъ на территории всей имперіи, то проблемы с казарменнымъ размещеніемъ войскъ возникли даже в Московскомъ, Петербургскомъ и Казанскомъ военныхъ округахъ. Причем в последнемъ все было настолько плохо, что тогдашній военный министръ генералъ отъ кавалеріи В.А. Сухоминовъ вынужденъ былъ в февралѣ 1910 г. доложить Николаю II сразу две схемы: «на первой изображена постоянная дислокація войскъ, намеченная мобилизационными и стратегическими соображеніями, и на второй – временная дислокація, обусловленная требованіями размещенія войскъ впредь до постройки казармъ в пунктахъ постоянной дислокаціи» [10, л. 1–3]. И это было в сердце имперіи. На периферіи же ситуация традиционно выглядела заметно хуже.

Военный министръ Российской имперіи в 1905–1909 гг. А.Ф. Редигер писал по этому поводу в своихъ воспоминаніяхъ: «Войска, расположенные в Сибири, всегда были в тяжеломъ положеніи в смысле ихъ расквар-

Рис. 2. Военный министр Российской империи Александр Федорович Редигер (21.06.1905–11.03.1909)

тирования, и до войны значительная часть имевшихся казарм была построена самими войсками хозяйственным способом. После войны состав сибирских войск значительно усилился вследствие обращения стрелковых полков в четырехбатальонный состав и добавления многих частей специальных родов оружия, а вместе с тем недостаток в казармах стал ощущаться особенно остро... Ввиду этого, тотчас по окончании войны, местное начальство стало настоятельно просить об отпуске денег на постройку казарм. Взяв сколько возможно из нашего скудного предельного бюджета, я стал ежегодно выпрашивать у Совета министров по несколько миллионов на это дело; но крупный размер предстоявших работ заставлял относиться особенно внимательно к способу производства» [21, с. 237].

Александр Федорович Редигер был убежден, что если военные инженеры будут вести строительство обычным подрядным способом, то оно будет выполнено «либо плохо, либо едва удовлетворительно, и не менее четверти ассигнуемых сумм разойдутся по карманам». И тогда он решил в корне изменить систему казарменного строительства в империи – вести строительство при посредстве Главной казарменной комиссии, производившей работы в Европейской России, через войсковые комиссии, при участии в них Контроля. Характерно, что начальство Иркутского военного округа, в отличие от Приамурского, быстро согласилось на подобную меру [21, с. 237–238].

По сути, войсковая строительная комиссия представляла собой легализованную, институционализированную и официально финансируемую форму и ранее существовавшей системы организации военно-жилищного строительства, когда сами войска решали, что им нужно строить и как, а затем и строили «силами самих» полков, батарей и т. д. Эта парадоксальная форма самообеспечения казармами была наиболее всего распространена на окраинах империи, например, в Приамурском военном округе, где расквартированным частям приходилось порой годами и десятилетиями ждать, когда у инженерного ведомства дойдут руки до строительства им казарм. Проще было найти деньги и построить самим, что и делали с завидной регулярностью. Теперь же решение вопроса передали от Окружных инженерных управлений и инженерных дистанций (где таковые имелись) напрямую войскам, хотя разработкой проектов или адаптацией проектов типовых (чаще всего – «кирпичных ящиков обычного образа нашего Казарменного Комитета» в Петербурге, совершенно непригодных для суровых климатических условий Сибири и Дальнего Востока [1, с. 365]), по-прежнему могли заниматься военные инженеры. Следить за отсутствием коррупции, традиционно именуемой в Российской империи казнокрадством, мздоимством и лихоимством, должен был Государственный Контроль [1, с. 139–144]. Проверка осуществлялась либо предварительная, ли-

бо фактическая – в зависимости от ситуации [7, с. 10].

Проблема действительно требовала радикального решения. В 1908 г. в Иркутском военном округе было самое малое в империи количество каменных «казарменных помещений» – всего 54, «различных строений» – 26 и госпиталей – 6; при том что по количеству деревянных «казарменных помещений» он был на 3-м месте в империи – 1279, после Виленского (2110) и Приамурского (1572) военных округов [14, с. 5]. Списочный же состав нижних чинов и офицеров в округе составлял, по данным на 1 января 1911 г., – 58 277 и 1988 чел., на 1 января 1912 г. – 68 519 и 1973 чел., на 1 апреля 1912 г. – 71 753 и 2072 чел., соответственно [12, с. 308, 341–342].

Таким образом, как официально указывалось в одном из отчетов, написанных в 1910–1911 гг.: «В 1908 году, вследствие не вполне успешной строительной деятельности военно-инженерного ведомства и в видах удешевления стоимости построек, дело казарменного строительства в Иркутском и Приамурском военных округах было передано в ведение войсковых строительных комиссий, под общим руководством Высочайше учрежденной при Военном Совете главной казарменной комиссии, преобразованной ныне в главный комитет по устройству казарм» [8, с. 395]. Причем, несмотря на то что из-за скудности военного бюджета империи в Омском, Иркутском и Приамурском округах строительные мероприятия начали за счет чрезвычайных кредитов, во многих пунктах этих округов войсковые строительные комиссии были созданы в том же году [16, с. 51]. Всего в 1908 г. в распоряжение Высочайше учрежденной при Военном совете комиссии по устройству казарм было ассигновано 4 694 000 руб., причем к концу года эта сумма была полностью израсходована [16, с. 10–11]. Из предназначенного к отпуску из чрезвычайной сметы канцелярии Военного министерства 1908 г. ассигнования 8 000 000 руб., на постройку казарм в трех Сибирских военных округах отпущено было 1 655 663 руб. и испрашивалось к отпуску на следующий год 1 845 991 руб. 52 коп. [14, с. 8].

Скорее всего, начальный этап работы войсковых строительных комиссий в Иркутском военном округе оставил бы после себя крайне мало документов, причем преимущественно технического характера, что существенно осложнило бы историкам работу по его исследованию, если бы не одна случайность. В 1910 г. в округе работала ревизия сенатора Антона Адамовича Глищинского, направленная для ревизии «учреждений и установлений военного ведомства» Иркутского и Приамурского военных округов – одна из трех ревизий военных округов из более чем 126 сенаторских ревизий, проведенных в 1801–1917 гг. [9, с. 84–87], которая не только увидела этот процесс вживую, но и описала. Соответствующий том отчета удалось разыскать сравнительно недавно [8]. Представленные в нем данные позволяют достаточно полно воссоздать картину начала работы войсковых строительных комиссий в Иркутском военном округе и проанализировать проблемы, с которыми они сталкивались.

Ко времени прибытия ревизора в Иркутском военном округе действовали уже 10 войсковых строительных комиссий:

1) Красноярская (в г. Красноярске) – по постройке казарм с офицерскими квартирами для 30-го и 31-го Сибирских стрелковых полков и для 8-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона с парком. Состав комиссии: председатель генерал-майор П.А. Андреев (командир 1-й бригады 8-й Сибирской стрелковой дивизии, штабы бригады и дивизии находились в Красноярске [13, с. 78; 25, с. 644]), 2 представителя от войсковых частей, член от гражданской администрации, техник и его помощник.

2) Даурская (на станции Даурия [Мациевская]) – по постройке казарм с офицерскими квартирами для 15-го Сибирского стрелкового полка, под председательством полковника И.Е. Гулыги (командир полка [13, с. 74; 27, с. 532]), в составе 2 представителей от войсковых частей, члена от гражданской администрации и техника.

3) Антипихинская (в пос. Антипиха) – по постройке казарм с офицерскими квартирами для 1-го Сибирского осадного артиллерийского полка, под председательством полковника В.П. Сагатовского (коман-

Рис. 3. Переправа орудия через реку. Урочище Березовка Забайкальской области, начало XX в.

дир полка¹), в составе 2 представителей от войсковых частей и техника.

4) Ново-Цурухатуйская (в пос. Ново-Цурухатуй) – по постройке казарм для 1-го Аргунского казачьего полка и 1-й Забайкальской батареи Забайкальского казачьего войска. Ко времени производства ревизии председателем комиссии был полковник А.Д. Софронов (командир 1-го Аргунского казачьего полка [26, с. 594]), в составе нее числился 1 техник, а представители от войсковых частей еще не были назначены.

5) Троицко-Савская (в г. Троицкосавске) – по постройке казарм с офицерскими квартирами для 20-го Сибирского стрелкового полка, под председательством генерал-майора В.Ф. Эльша (по официальным данным на 1 января 1910 г. командир 2-й бригады 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии; штаб бригады располагался в г. Троицкосавске [23, с. 74; 24, с. 716]), в составе 2 представителей от вой-

сковых частей, представителя от гражданской администрации и техника.

6) Нижнеудинская (в г. Нижнеудинске) – по постройке казарм с офицерскими квартирами для 3-го Сибирского мортирного артиллерийского дивизиона, под председательством полковника Ф.А. Александрова (командир существовавшего до реформы 1910 г. 2-го пехотного Сибирского резервного Читинского полка, дислоцировавшегося в г. Нижнеудинске [23, с. 119; 26, с. 46]), в составе 2 представителей от войсковых частей, 1 члена от гражданской администрации и техника.

7) Канская (в г. Канске) – по постройке казарм с офицерскими квартирами для штаба и двух батальонов 32-го Сибирского стрелкового полка, под председательством генерал-майора К.И. Бачевского (командир 2-й бригады 8-й Сибирской стрелковой дивизии, штаб которой тогда временно находился в г. Канске [13, с. 78; 26, с. 698]), в составе 2 представителей от войсковых частей, члена от гражданской администрации и техника.

8) Ачинская (в г. Ачинске) – по постройке казарм с офицерскими квартирами для 29-го Сибирского стрелкового полка,

¹ Биография В.П. Сагатовского подробно исследовалась, однако этот эпизод его службы ранее известен не был [1, с. 384–388].

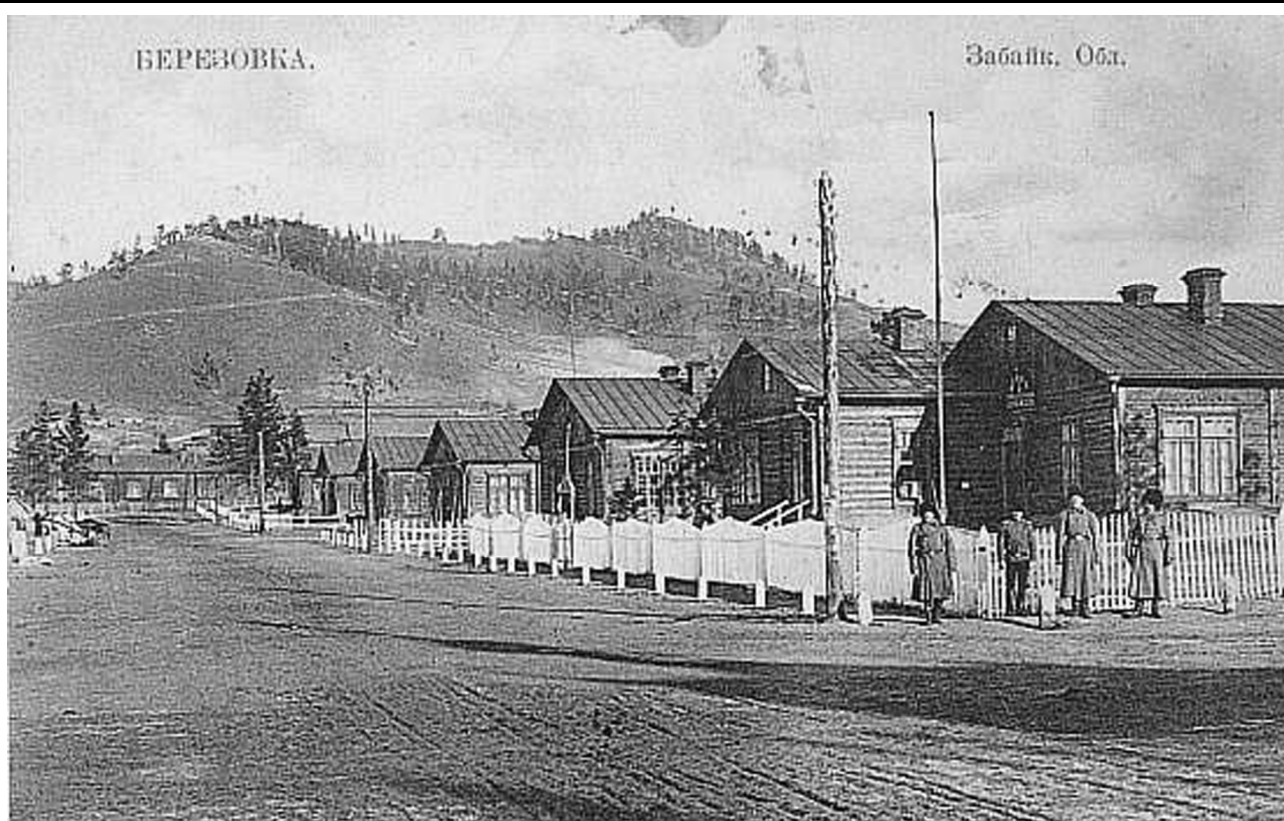

Рис. 4. Урочище Березовка Забайкальской области, конец XIX – начало XX в.

под председательством полковника Г.Н. Ермолова (командир существовавшего до реформы 1910 г. 4-го пехотного Сибирского резервного Верхнеудинского полка, официальным местом дислокации которого был г. Ачинск [23, с. 119; 26, с. 664]), в составе 2 представителей от войсковых частей, члена от гражданской администрации и техника.

9) Березовская (в урочище Березовка) – по постройке офицерских квартир для 17-го, 18-го и 19-го Сибирских стрелковых полков, под председательством генерал-майора А.В. Де-Роберти, в составе 2 представителей от войсковых частей, члена от гражданской администрации и техника.

10) Стретенская (на станции Стретенской) – по постройке казарм с офицерскими квартирами для штаба и одного батальона 16-го Сибирского стрелкового полка, под председательством генерал-майора Н.К. Болдырева (по официальным данным до 21 мая 1910 г. командир 2-й бригады 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, штаб которой находился в Стретенске [13, с. 74; 23, с. 73; 25, с. 549]), в составе двух представителей от войсковых частей и техника [8, с. 395–397].

Таким образом, почти все комиссии были созданы непосредственно в местах дислокации частей, для которых предполагалось вести строительство.

Теперь остановимся на деятельности каждой из перечисленных комиссий и рассмотрим задачи, поставленные каждой из них. Это даст возможность более конкретно представить как объем производимых работ, так и трудности, с которыми сталкивалась каждая из войсковых строительных комиссий. Более того, эти данные облегчат проведение дальнейших полевых исследований, т. е. поиск и изучение возведенных сооружений непосредственно на местности.

Изучение деятельности войсковых строительных комиссий ревизующий сенатор начал с **Красноярской войсковой строительной комиссии**, которой предстояло осуществить огромный объем работ даже по современным меркам. Так, для 30-го Сибирского стрелкового полка должны были построить: 1) каменный одноэтажный дом для командира полка; 2) каменный 3-этажный флигель на 14 квартир для 4 штаб-офицеров, 2 старших и 8 младших офицеров; 3) каменный 3-этажный флигель на 15 квартир для 3 штаб-

Рис. 5. Переправа через р. Шилка в г. Стретенск Забайкальской области, конец XIX – начало XX в.

офицеров, 2 старших и 9 младших офицеров; 4) каменный 3-этажный флигель на 12 квартир для 12 старших офицеров; 5) каменный 2-этажный флигель на 7 квартир для 1 старшего и 6 младших офицеров; 6) каменный 2-этажный флигель на 8 квартир для 8 младших офицеров; 7) каменный 3-этажный флигель на 12 квартир для 12 младших офицеров; 8) 2 каменных 3-этажных флигеля на 12 квартир для 12 младших офицеров каждый; 9) каменное одноэтажное здание для офицерского собрания; 10) каменный 2-этажный флигель для канцелярии и гауптвахты; 11) 3 каменных 2-этажных солдатских батальонных корпуса; 12) каменную одноэтажную батальонную столовую с кухнями; 13) каменный 2-этажный флигель для помещения учебной команды; 14) каменный 2-этажный флигель для помещения нестроевых и мастеровых нижних чинов и мастерских: швальной, закройной и шорной; 15) каменную полковую кузницу с мастерскими: плотничной и оружейной; 16) каменную полковую пекарню с помещением для муки, хлеба и жилья хлебопек; 17) каменную солдатскую полковую баню с прачечной; 18) каменный 2-этажный флигель для помещения команд разведочной, ординар-

ческой и пулеметной; 19) 4 каменных погребов: 3 на 4 отделения и 1 на два отделения; 20) 3 каменных одноэтажных здания полковых цейхгаузов для хранения неприкосновенного запаса оружия, а также шорных, расходных и лазаретных вещей; 21) каменный 2-этажный приемный покой на 20 кроватей; 22) каменную конюшню на 88 лошадей; 23) каменный павильон для музыкантов; 24) 2 каменных патронных сарая; 25) 8 каменных сараев для хранения полкового обоза; 26) 6 каменных сараев для хранения дивизионного обоза; 27) 2 каменных сарая для хранения сухарного запаса; 28) деревянный навес для артельных повозок с двумя экипажными сараями; 29) 6 больших бетонных помойных ям и 2 малых; 30) 6 колодцев; 31) каменную одноэтажную баню с прачечной; 32) 6 каменных ледников для полкового командира офицерского собрания и офицеров; 33) 8 сараев для дров; 34) пять бетонных отхожих мест; 35) 5 бетонных помойных ям малого размера.

Большинство перечисленных выше каменных сооружений к концу строительного периода 1910 г. уже были начаты постройкой: были сложены фундаменты и цоколи,

а в некоторых даже стены до первых этажей.

Для 31-го Сибирского стрелкового полка комиссии предстояло возвести: 1) каменный одноэтажный дом для командира полка; 2) каменный 3-этажный флигель на 14 квартир для 4 штаб-офицеров, 2-х старших и 8 младших офицеров; 3) каменный 3-этажный флигель на 15 квартир для 3 старших и 9 младших офицеров; 4) каменный 3-этажный флигель на 12 квартир для 12 старших офицеров; 5) 2 каменных 3-этажных флигеля на 10 квартир для 2 старших и 8 младших офицеров; 6) каменный 2-этажный флигель на 7 квартир для 1 старшего и 6 младших офицеров; 7) 2 каменных 2-этажных флигеля на 8 квартир для 8 офицеров; 8) 2 каменных 3-этажных флигеля на 12 квартир младших офицеров; 9) каменный 3-этажный флигель на 12 квартир для младших офицеров; 10) каменный одноэтажный флигель для одного штаб-офицера; 11) каменную одноэтажную офицерскую баню с прачечной; 12) 6 каменных ледников – для командира полка, офицерского собрания и офицеров; 13) 8 сараев для дров – командира полка, офицерского собрания и офицеров; 14) 6 бетонных отхожих мест и 6 бетонных помойных ям малых; 15) каменное одноэтажное здание офицерского собрания; 16) каменный 2-этажный флигель для канцелярии и гауптвахты; 17) 4 каменных 2-этажных солдатских батальонных корпуса; 18) 4 каменных одноэтажных батальонных столовых с кухнями; 19) каменный 2-этажный флигель для помещения учебной команды; 20) каменный 2-этажный флигель для помещения нестроевых и мастеровых нижних чинов и швальной, закройной и шорной мастерских; 21) каменную полковую кузницу с мастерскими плотничной и оружейной; 22) каменную полковую пекарню с помещением для муки, хлеба и хлебопеков; 23) каменную солдатскую полковую баню с прачечной; 24) каменный 2-этажный флигель для помещения разведочной, ординарческой и пулеметной команд; 25) 5 каменных погребов; 26) 3 каменных одноэтажных полковых цейхгауза для хранения неприкосновенных запасов, оружия и шорных расход-

ных, а также лазаретных вещей; 27) каменный 2-этажный приемный покой на 20 кроватей; 28) здание каменной конюшни на 88 лошадей; 29) каменный павильон для музыкантов; 30) два каменных патронных склада; 31) 8 каменных сараев для хранения полкового обоза; 32) 6 каменных сараев для хранения дивизионного обоза; 33) 2 каменных сарая для хранения сухарного запаса; 34) деревянный навес для артельных повозок с двумя экипажными сараями для офицеров; 35) 7 бетонных помойных ям большого размера; 36) 2 бетонных помойных ямы малого размера; 37) 6 колодцев с теплыми деревянными будками. Из этих построек к концу строительного периода 1910 г. только в солдатских казармах были сложены фундаменты и один ряд цоколя. Для остальных зданий была произведена лишь разбивка и частью выкопаны рвы.

Кроме этого, та же комиссия должна была соорудить для частей 8-й Сибирской стрелковой дивизии в г. Красноярске церковь на 900 молящихся. К этой работе приступили лишь 15 августа 1910 г., однако к концу строительного периода фундамент церкви был уже выведен.

Что касается постройки казарм и необходимых сооружений для 8-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона с парком, то эти работы так и не начали «за неполучением из главного комитета по устройству казарм перечня проектов зданий» [8, с. 397–400].

Приступить непосредственно к строительству ранее мая 1910 г. комиссии не удалось. Мешали происходившие в дислокации войск изменения, необходимость заранее приобрести нужные земельные участки и осуществить прочие подготовительные мероприятия. Тем не менее, как констатировал сенатор, «строительная комиссия, сравнительно, весьма успешно приступила к выполнению лежащей на ней задачи».

Весь 1909 г. заняла заготовка строительных материалов, заключение контрактов и договоров на производство работ и доставку материалов. Вот здесь и начала проявляться специфика региона, ибо комиссия нередко попадала в затруднитель-

ное положение, «вследствие неудачи объявленных ею торгов, за отсутствием желающих торговаться. Посему приходилось, обыкновенно, назначать соревнование лишь между отдельными лицами, причем такая постановка дела приводила иногда к благоприятным результатам в смысле понижения объявленных цен до 25 %, что имело, например, место по отношению к кузнечно-слесарным, земляным и асфальтовым работам».

Система отдачи подрядов и поставок с торгов давала сбои из-за крайне ограниченного количества мелких подрядчиков в районе деятельности Красноярской войсковой строительной комиссии. По мнению ревизирующего сенатора, сыграло свою роль и то, что из «имеющихся налицо подрядчиков и поставщиков подавляющее большинство евреи, которые... объединены солидарностью интересов и племенной замкнутостью, взаимно поддерживают друг друга и отнюдь не склонны состязаться на торгах, в ущерб собственным интересам и к выгоде казны» [8, с. 400–401].

Еще одна проблема, с которой сталкивались практически все войсковые строительные комиссии на всем пространстве от Владивостока до Красноярска – это отсутствие кирпича, из которого и предстояло строить. Его доставка была делом хлопотным, дорогим, а главное – очень медленным. Именно поэтому для большей части Приамурского и Иркутского военных округов типовым решением проблемы стала организация кирпичного производства на месте. Во Владивостоке, например, его производили даже на Русском острове, причем обе работавшие там войсковые строительные комиссии [1, с. 153–157; 8, с. 424–448].

Красноярская комиссия тоже оборудовала на средства в размере 75 000 руб., отпущенные главным комитетом по устройству казарм, кирпичный завод, поскольку достаточного количества кирпича на местном рынке не было. «Завод этот располагает в настоящее время двумя гофманскими печами, производительностью от 10 до 15 миллионов кирпичей в год и начал действовать с мая месяца 1909 г., причем ко времени осмотра его в порядке ревизии, про-

изведенном 25 сентября 1910 года, найден был в полной исправности, а вырабатываемый кирпич оказался хорошего качества», – констатировал А.А. Глищинский [8, с. 401].

Любопытно, что во время производства ревизии «ревизирующим Сенатором были получены, между прочим, негласные сведения о злоупотреблениях, допущенных будто бы Красноярскою войсковою строительною комиссиею по отдаче подрядов и поставок исключительно местным евреям, сосредоточившим в своих руках строительное дело, причем русские предприниматели, несмотря на то, что предлагали низшие цены, не могли получить ни одного подряда. Однако, при проверке в порядке ревизии означенные сведения не нашли себе достаточного подтверждения» [8, с. 401]. Таким образом, приступ конкурентного антисемитизма был пресечен. В честности сенатора сомневаться не приходится, поскольку, например, после его работы во Владивостокской крепости под суд были отправлены вообще практически все строившие там военные инженеры, поголовно [1, с. 159–186; 8, с. 166–219, 380–394, 468–474]²!

Сопоставимые по масштабам задачи стояли и перед **Даурской войсковою строительной комиссией**, которая должна была возвести для 15-го Сибирского стрелкового полка: 1) 8 2-этажных каменных казарм на 2 роты каждая; 2) 4 батальонных одноэтажных казармы; 3) 2-этажное здание для канцелярии и гауптвахты; 4) такие же здания для учебной команды, нестроевой роты и пулеметной команды; 5) одноэтажное здание оружейной мастерской; 6) здания хлебопекарни, бани, конюшни и цейхгауза; 7) 4 обозных сарая; 8) патронный склад; 9) помещение для хранения сухарей; 10) навес для офицерских экипажей; 11) лазарет на 100 кроватей; 12) павильон для музыкантов; 13) 8 2-этажных офицерских флигелей; 14) 4 одноэтажных офицерских флигеля; 15) дом для командира бригады; 16) дом для командира полка; 17) офицерское собрание; 18) офицерскую баню; 19) 2 типовых одноэтажных дере-

² Биографии инженеров Владивостокской крепости вместе со всеми перипетиями судебных процессов, в итоге закрытых, исследовались специально [2].

вянных офицерских дома по 4 квартиры (к отъезду ревизора здания эти закончили настолько, что в них разместились чины строительной комиссии, нижние чины технического отдела и канцелярия комиссии. Выстроены они были из дерева на каменных фундаментах, и «впоследствии будут обложены снаружи кирпичом»); 20) 2 типовых одноэтажных офицерских дома по две квартиры каждый – находились в таком же состоянии и служили тем же целям, как и предыдущие два строения; 21) 2 типовых офицерских 2-этажных дома по 4 квартиры каждый – была закончена кирпичная кладка и предстояли плотничьи работы; 22) 2 типовых офицерских 2-этажных каменных дома по 12 квартир – в одном кирпичную кладку довели до балок 2-го этажа, в другом вывели из бутового камня фундамент до изолирующего слоя; 23) офицерскую баню, в которой кладку уже закончили и собирались приступить к плотничьим работам; 24) здание для почтово-телеграфного отделения – уже выстроен деревянный дом, в котором с ноября 1909 г. и размещается почтово-телеграфное отделение; 25) павильон для музыкантов – тоже уже выстроен из бревен на каменном фундаменте и служил манежем для занятий находящейся в Даурии роты; 26) две казармы.

Сверх этого комиссия уже успела выстроить ряд сооружений вспомогательного характера: 2 временных деревянных барака для размещения охранной роты, находящейся в Даурии; 6 таких же бараков для чинов комиссии; 3 временных сооружения; 2 временных конюшни для обозных лошадей комиссии; здание кузницы; 4 склада для железа, приборов, разных материалов и динамита; 6 сараев для извести и 2 колодца с тепляками и печами для обогрева насосов. Для ускорения и облегчения работ комиссия даже соорудила на протяжении 10 верст «дековилевский путь» – узкоколейную железную дорогу для подвоза бутового камня «хозяйственным способом».

«В общем, – как констатировал А.А. Глищинский, – деятельность Даурской войсковой строительной комиссии следует признать вполне удовлетворительной, тем более что войсковые строительные комиссии в Сибири, по сравнению с комиссиями,

действующими в Европейской России, поставлены в крайне неблагоприятные условия, так как успех работ здесь зависит от многообразных привходящих обстоятельств, не поддающихся точному учету. Как на пример затруднений, тормозящих правильный ход деятельности сих комиссий, можно указать на случай поголовного ухода в июле 1910 года возчиков камня и чернорабочих с построек, возводимых Даурской войсковою строительною комиссией для 15 Сибирского стрелкового полка, на так называемый тарбаганий промысел³. Вследствие сего на означенные выше работы назначались временно, в течение двух недель, нижние чины, что не могло не отразиться на успешности общего хода работ» [8, с. 401–402].

Значительно меньший объем работ предстояло осилить **Троицко-Савской войсковой строительной комиссии**, возводившей для 20-го Сибирского стрелкового полка в строительный период 1910 г.: 1) 4 солдатских корпуса – «фундаменты выбучены» (т. е. сложен фундамент из каменно-бутовой кладки), цоколи сложены и покрыты асфальтовым изоляционным слоем, а кирпичная кладка стен доведена до окон первого этажа; 2) столовую № 1, с капустниками и погребями – сложены цоколи, стены капустников и погребов до потолочных балок; 3) столовую № 2 – «фундаменты выбучены»; 4) лазарет на 100 человек – «фундаменты выбучены», сложены цоколи, положен асфальтовый изоляционный слой и асфальт прикрыт двумя рядами кирпича; 5) канцелярию с гауптвахтой – «фундаменты выбучены», сложены цоколи и покрыты асфальтовым изоляционным слоем, а стены доведены кладкой до окон первого этажа; 6) церковь – «фундаменты выбучены».

Поскольку работы по возведению этих построек были начаты лишь в мае 1910 г. и

³ Точнее – тарбаганий промысел – охота на сибирского сурка (тарбагана, *Marmota Sibirica*, около 60 см длиной, природный носитель чумы), широко распространенного в Забайкалье. Велась самыми различными способами, в основном с целью добычи меха, реже – мяса и жира. Обычно происходила весной и осенью, так как именно в это время мех был наилучшего качества. Реже – в первой половине лета [11, с. 331–333].

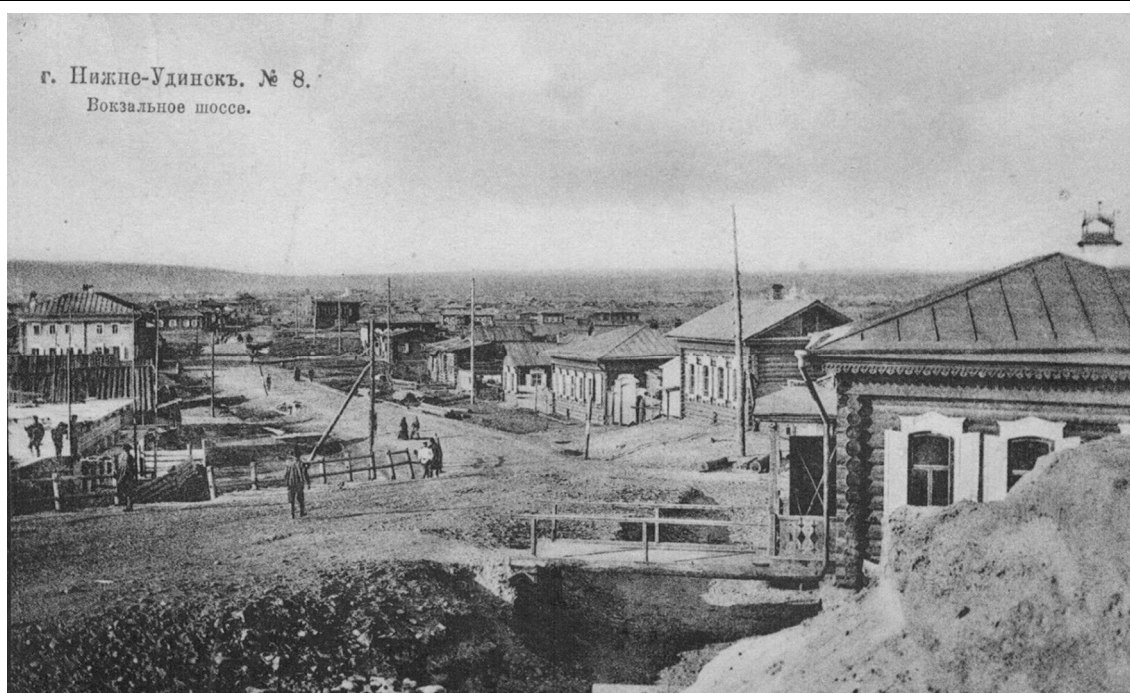

Рис. 6. Вокзальное шоссе в г. Нижнеудинск Забайкальской области, конец XIX – начало XX в.

прекращены 9 октября того же года в связи с окончанием строительного сезона, «за столь краткий срок указанная деятельность комиссии может считаться успешною». В строительный сезон 1911 г. предполагалось 4 солдатских корпуса, столовую с капустниками, лазарет, церковь и канцелярию довести под крышу и покрыть.

Характерно, что и здесь «весь успех указанных выше работ находится в зависимости от количества кирпича, которое будет в состоянии выработать единственный местный кирпичный завод инженера Смигельского, законченный постройкою 24 июля 1910 г. и оборудованный машинами лишь 25 октября». Ревизующий сенатор с грустью констатировал: «Такую зависимость квартирного устройства войск от частной предпринимательской деятельности едва ли можно признать нормальной» [8, с. 403–404].

Со строительства собственного кирпичного завода начала свою деятельность и **Нижнеудинская войсковая строительная комиссия**. Чтобы не перевозить кирпичи на подводах, от завода к месту производства строительных работ провели узкоколейную железную дорогу. Завод в рамках проектных мощностей работал отменно и ко времени приезда в Нижнеудинск ревизующего сенатора уже успел произвести и об-

жесть до 700 000 штук кирпича. В том же 1910 г. активно вели заготовку бутового камня, песка, извести, кровельного железа, дерева и других строительных материалов. Это дало ревизору основание надеяться, что «Нижнеудинская войсковая строительная комиссия будет обеспечена всеми материалами и с успехом выполнит лежащую на ней задачу».

Впрочем, в 1910 г. к постройке зданий так и не приступили, «за неутверждением проектов». Начать собирались весной 1911 г. и закончить к ноябрю 1912 г., выстроив за это время для 3-го Сибирского мортирного артиллерийского дивизиона: 1) 1 2-этажную казарму для 1-й батареи; 2) 2-этажную казарму для 2-й батареи; 3) 2-этажное здание штабного флигеля (дивизионная канцелярия, караул, приемный покой и учебная команда); 4) 2 конюшни, на 96 лошадей каждая; 5) 3 артиллерийских сарая; 6) 3 цейхгауза для артиллерийского и интендантского имущества; 7) здание пекарни; 8) склад сухарного запаса; 9) капустный погреб; 10) солдатскую баню; 11) мастерские и 2 кузницы; 12) ветеринарный лазарет; 13) отделение заразных лошадей; 14) склад боевого комплекта; 15) навес для артельных повозок; 16) офицерское собрание; 17) дом для командира дивизиона; 18) 3 2-этажных и 1 одноэтажный флигели

для офицерских квартир; 19) здание офицерской бани; 20) 6 опускных колодцев с отапливаемыми над ними будками; 21) необходимые сооружения вспомогательного характера, как то дровяные сараи, помойные и навозные ямы, ограды, канавы и проч. Все указанные здания, за исключением заразного отделения для лошадей, навеса для артельных повозок и дровяных сараев, предполагалось выстроить из кирпича, на каменном фундаменте [8, с. 404–405].

Сооружения для 32-го Сибирского стрелкового полка в г. Канске (для штаба и двух батальонов) должна была возвести **Канская войсковая строительная комиссия**: 1) 8 каменных флигелей для офицерских квартир, из которых 2 – одноэтажных, 2 – 2-этажных и 4 – 3-этажных; 2) каменную одноэтажную баню с прачечной; 3) 13 каменных ледников для командира полка и младших офицеров; 4) 10 сараев для дров при квартирах командира полка и офицеров; 5) бетонные помойные ямы и бетонные отхожие места для офицерской прислуги; 6) одноэтажное здание для офицерского собрания; 7) каменное 2-этажное здание для полковой канцелярии и гауптвахты; 8) 2 каменных батальонных корпуса; 9) 1 каменный 2-этажный флигель для учебной команды; 10) каменный 2-этажный флигель для помещения музыкантов не-

строевых полковых мастерских (швальной и закройной) и жилья мастеровых; 11) каменный 2-этажный флигель для разведочной и пулеметной команд; 12) 2 каменных одноэтажных батальонных столовых с кухнями; 13) 1 каменный капустный погреб на 10 отделений (для 8 рот, офицерского собрания, учебной команды и нестроевой роты); 14) каменную полковую хлебопекарню с помещением для муки, хлеба и жилья хлебопек; 15) каменную полковую баню с прачечной; 16) каменную полковую кухню с мастерскими: плотничной, оружейной, шорной и помещением для 4 полковых каптенармусов и ветеринарного фельдшера; 17) каменный павильон «для сыгравания музыкантов»; 18) каменный 2-этажный приемный покой на 20 кроватей; 19) 3 каменных одноэтажных цейхгауза; 20) одну 4-рядную конюшню на 56 лошадей; 21) каменный патронный склад; 22) 6 каменных обозных сараев; 23) каменный сарай для сухарного запаса; 24) деревянный навес для артельных повозок с двумя сараями для офицерских экипажей; 25) разного рода вспомогательные сооружения, как то: помойные ямы, колодцы и проч.

Из этих построек ко времени приезда ревизора были начаты два каменных 2-этажных батальонных корпуса, причем в одном из них приступили к кладке фунда-

Рис. 7. «Главный виновник» случая, чуть не приведшего к срыву работ Даурской войсковой строительной комиссии в строительный сезон 1910 г. – сурок тарбаган

мента, для строительства другого только сняли с земли растительный слой. В зданиях каменных одноэтажных батальонных столовых с кухнями возвели фундаменты с цоколями и положили изоляционный слой. Более никаких сооружений, не считая одного каменного колодца, возведено не было, и деятельность Каннской войсковой строительной комиссии «до последнего времени носила чисто подготовительный характер».

Заготовленные комиссией строительные материалы ревизующему сенатору тоже не понравились: заготовленный в ноябре 1909 г. камень (25 куб. саж.) был мелкий, а заготовленный к тому же сроку в весьма ограниченном количестве лес имел много досок неудовлетворительного качества и частью гнилых. «Ввиду приведенных данных и принимая во внимание, что начало деятельности названной выше комиссии относится к февралю 1909 года, нельзя, казалось бы, не признать, что деятельность этой комиссии до настоящего времени представляется не вполне удовлетворительною», – писал в отчете А.А. Глищинский [8, с. 405–407].

Более успешной оказалась деятельность **Ачинской войсковой строительной комиссии**, возводившей для 29-го Сибирского стрелкового полка следующие постройки: 1) дом для командира полка – к концу строительного сезона 1910 г. – закончивался вчерне; 2) 4 2-этажных флигеля для офицерских квартир – из них для двух «выбучены» были к концу октября фундаменты; 3) 7 3-этажных офицерских флигелей – под 2 из них «выбучены» фундаменты, остальные не начаты еще постройкой; 4) офицерскую баню с прачечной; 5) 9 ледников – для командира полка, офицерского собрания и офицерских квартир; 6) 7 дровяных сараев – для квартир командира полка и офицеров; 7) 5 бетонных отхожих мест и 5 бетонных помойных ям малого размера; 8) здание офицерского собрания; 9) полковую канцелярию с гауптвахтой – все перечисленные сооружения, начиная с четвертого, еще не начаты постройкой; 10) 4 батальонных корпуса – к концу строительного периода 1910 г. 2 из них закончены были вчерне и 2 – до нижней линии пояса

1-го этажа; 11) флигель для учебной команды – еще не начат постройкой; 12) флигель для музыкантов, нестроевых и т. д. – к концу того же строительного периода был закончен вчерне; 13) флигель для пулеметной и разведочной команд – также к концу октября закончен был вчерне; 14) 4 здания батальонных столовых с кухнями – к вышеуказанному сроку одно закончено было вчерне, под одно производилась бутовая кладка фундамента, а 2 остальных не были начаты постройкой; 15) 2 капустных погреба один на 8, другой на 10 отделений – ко времени визита сенатора не были начаты еще постройкой; 16) здание полковой хлебопекарни с помещением для муки, хлеба и хлебопек; 17) полковую баню с прачечной; 18) кузницу с мастерскими; 19) павильон для музыкантов; 20) приемный покой на 20 кроватей – все перечисленные здания, начиная с 16 по порядку, еще не начаты; 21) полковой цейхгауз; 22) 4-рядную конюшню на 80 лошадей и патронный склад – еще не начинали постройкой; 23) 6 обозных сараев – закончены вчерне, а 3 еще не были начаты постройкой; 24) сарай для сухарного запаса; 25) навес для артельных повозок с сараями; 26) 5 бетонных помойных ям; 27) 6 колодцев опускных каменных – все строения, начиная с 24 по порядку, не начаты еще постройкой. Кроме того, комиссии предстояло оградить участок земли и «в настоящее время вырыта уже канава кругом». Все здания, за исключением навеса для артельных повозок, предполагалось возвести из камня и покрыть железом.

Сверх того, этой комиссией было возбуждено в установленном порядке ходатайство о разрешении построить полковую церковь, лазарет и два дивизионных сарая [8, с. 407–408].

Значительно больший объем работ предстоял и **Березовской войсковой строительной комиссии**, которая должна была строить помещения сразу для нескольких частей. Для 17-го, 18-го и 19-го Сибирских стрелковых полков: 1) 2 кирпичных одноэтажных флигеля для командира полка и 2-х штаб-офицеров; 2) 7 кирпичных 2-этажных флигелей для квартир офицеров; 3) кирпичную одноэтаж-

№ 100

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

Не подлежит оглашенію.

ВСЕПОДДАНИЙШІЙ ОТЧЕТЪ
о произведенной въ 1910 году,
по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію,
СЕНАТОРОМЪ ГЛИЩИНСКИМЪ
РЕВИЗИИ
УЧРЕЖДЕНІЙ и УСТАНОВЛЕНІЙ ВОЕННОГО
ВѢДОМСТВА ИРКУТСКАГО и ПРИАМУРСКАГО
ВОЕННЫХЪ ОКРУГОВЪ.

Военно-инженерное вѣдомство и войсковыя
строительныя Коммисіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1911.

Рис. 8. Титульный лист Всеподданнейшего отчета о произведенной в 1910 г., по Высочайшему повелению, сенатором А.А. Глищинским ревизии учреждений и установлений военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов. Военно-инженерное ведомство и войсковые строительные комиссии. СПб.: Государственная типография, 1911

ную офицерскую баню с прачечной – для всех вышеперечисленных построек к моменту приезда ревизора были уже заложены фундаменты и уложены цоколи; 4) 2 2-этажных кирпичных флигеля для младших обер-офицеров; 5) кирпичный одноэтажный флигель для одного штаб-офицера и 2-х младших семейных обер-офицеров – к работам по возведению флигелей, указанных в пп. 4 и 5, еще не приступали «вследствие приостановления проектов, согласно новой Высочайше утвержденной табели квартирного довольствия младших семейных обер-офицеров». Одновременно с рытьем фундаментов комиссией производилась по возможности и частичная планировка местности, причем было добыто и употреблено в дело 800 куб. саж. песка и заготовлено его же для будущих работ около 300 куб. саж.

Для 1-го Сибирского железнодорожного батальона комиссия должна была выстроить: 1) 2 кирпичных 2-этажных ротных казармы; 2) кирпичную одноэтажную кухню с пекарней; 3) кирпичный погреб на 4 роты; 4) деревянное здание батальонной мастерской; 5) кирпичное здание учебной команды; 6) деревянное здание приемного покоя; 7) деревянную конюшню; 8) деревянный обозный сарай; 9) деревянный цейхгауз неприкосновенного запаса; 10) кирпичную баню с прачечной и деревянное здание батальонной канцелярии; 11) такое же здание офицерского собрания; 12) 11 деревянных флигелей для квартир командира батальона и офицеров; 13) деревянный караульный дом; 14) деревянный оружейный цейхгауз; 15) деревянный патронный склад. Предполагалось также возведение нежилых надворных построек при офицерских флигелях.

К работам по возведению зданий 1-го Сибирского железнодорожного батальона до конца строительного периода 1910 г. не приступали, занимаясь только заготовлением строительных материалов, качество которых А.А. Глищинскому не очень понравилось: «Заготовленный хозяйственным способом лес, по своим качествам, требует тщательной сортировки прежде употребления в дело, ибо помимо обычной в Забайкалье косослойности и крупно-

слойности древесных пород, наблюдались гнилые части даже в штабелях, уже отсортированных комиссией. Засим, заготовленные последнюю доски, сложены в кучу почти без промежутков, что мешает правильной и равномерной их просушке. Камень, заготовленный комиссией, в общем, хорошего качества, однако имеется много мелкого и укладка в штабеля недостаточно плотная. [Не очень понятно, идет ли речь в данном случае о небрежности или некоторых злоупотреблениях, поскольку объемы заготовленного камня обычно рассчитывали как раз по размерам штабеля. – Р.А.] Известь в непогашенном виде гасилась очень успешно, погашенная же известка заключала в себе много твердых тел в виде крупы, нерассыпавшихся частиц извести».

Однако эти проблемы были отнюдь не главными, поскольку строить сами здания было не из чего – достаточного количества кирпича на местном рынке не оказалось. В итоге, как писал ревизующий сенатор, комиссией был «поставлен на очередь вопрос о составлении сметы на оборудование полного кирпичного производства для заготовки кирпича хозяйственным способом. За отсутствием достаточного количества кирпича на местном рынке, такое начинание Березовской войсковой строительной комиссии нельзя не признать весьма целесообразным, так как, по-видимому, единственно отсутствием достаточного количества означенного строительного материала можно объяснить возведение для 1 Сибирского железнодорожного батальона даже патронного сарая из дерева, что представляет немалую опасность в случае пожара» [8, с. 408–410].

Почти исключительно заготовкой строительных материалов занималась и **Стретенская войсковая строительная комиссия**. К августу 1910 г. заготовлено было: сосновых бревен – 3799 шт., таких же чистых обрезных досок – 7311 шт., песка – 190,42 куб. саж. и кирпича 536 000 шт. Правда, качество их внушало серьезные опасения, поскольку камень был «сравнительно хорош, но укладка его неудовлетворительна – с большими пустотами в штабелях. Песок слишком мелок и со значительным содержанием глины, вследствие чего

его нельзя признать вполне годным для проектированных работ. Засим в штабелях леса, принятых комиссией, встречается значительное количество бревен с гнилью или признаками ее, несмотря на то, что лес свежий. Равным образом, не может быть признана удовлетворительно и известь, которая даже при продолжительном смачивании и даже вымачивании ее в ведре впитывала воду, принимая розовый цвет, но не гасилась и даже не растрескивалась, причем не наблюдалось и повышения температуры».

Между тем комиссия должна была выстроить для 16-го Сибирского стрелкового полка: 1) каменный одноэтажный дом командира полка; 2) 5 3-этажных каменных флигелей для квартир офицеров; 3) 2 2-этажных флигеля для той же цели; 4) каменное одноэтажное здание офицерского собрания; 5) каменную одноэтажную офицерскую баню с прачечной; 6) 5 или 6 каменных ледников для квартир командира полка, офицерского собрания и офицеров; 7) 4 или 5 сараев для дров; 8) 2 каменных 2-этажных 2-ротных корпуса; 9) 3 каменных одноэтажных батальонных столовых с кухнями, кладовыми и помещениями для хлебопеков; 10) 2 каменных капустных погреба; 11) каменный одноэтажный полковой цейхгауз; 12) каменную конюшню на 168 лошадей; 13) каменный патронный склад. Кроме того, названной строительной комиссии надлежит выстроить каменные полковые сараи на 403 повозки и необходимые усадебные постройки вспомогательного характера, как-то: колодцы, бетонные помойные ямы и проч. [8, с. 410–411].

Антипихинская войсковая строительная комиссия должна возвести для 1-го Сибирского полевого тяжелого артиллерийского дивизиона: 1) дом для командира дивизиона; 2) 7 флигелей для квартир офицеров; 3) ветеринарный лазарет; 4) солдатскую баню; 5) 2 сарая для хранения орудий; 6) 3 сарая для хранения электроосветительного имущества, зарядных ящиков и осадных дрог; 7) 2 сарая для хранения парных повозок и интендантского обоза; 8) офицерскую баню; 9) разного рода над-

ворные постройки вспомогательного характера, как-то: кузницу, ледники и проч.

В строительный сезон 1910 г. во всех перечисленных зданиях вывели бутовую кладку до цоколя (около 270 куб. саж.) и вырыли для них около 272 куб. саж. фундаментных рвов. В следующем строительном периоде предполагалось все намеченные к постройке здания возвести вчерне под крышу.

Ревизующий сенатор и здесь проверил заготовленный комиссией материал, который оказался «в общем, удовлетворителен. В частности, камень хорошего качества, но укладка его в штабелях очень слабая, со значительными промежутками. Ступени для лестниц заготавливаются хорошие, из прочного камня. Заготовленная известь гасится успешно и рассыпается в мелкий порошок. Однако в мае месяце 1910 года комиссия еще не приступила к гашению извести и последняя гасилась и рассыпалась под влиянием воздушной влаги. В составе заготовленного леса, помимо косослойности, наблюдались гнилые части, вследствие чего, предварительно употребления леса в дело, его необходимо тщательно отсортировать» [8, с. 411–412]. В общем, упущения в деятельности Антипихинской войсковой строительной комиссии, хотя были налицо, но их вполне можно было ликвидировать в сравнительно короткий срок.

Не так было в **Ново-Цурухатуйской войсковой строительной комиссии**, где ситуация оказалась крайне запущенной. Хотя она и была обязана возвести казармы для 1-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска и 1-й Забайкальской казачьей бригады, но в 1910 г. не только не приступила к постройке зданий, но даже не начала и заготовки строительных материалов. «Вся деятельность комиссии исчерпывалась лишь тем, что 11 сентября 1910 года ею был сдан подряд на поставку кирпича и 25 октября того же года назначены торги на лесной материал и известь. Таким образом, названная комиссия за все время своего существования, начиная с 28 сентября 1909 года, почти ничем не проявила своей деятельности», – с нескрываемым удивлением констатировал столичный ревизор.

На неудовлетворительную деятельность этой войсковой строительной комиссии к этому времени обратил внимание даже Командующий войсками Иркутского военного округа Генерального штаба генерал от инфантерии А.В. Брилевич, который в октябре 1910 г. предписал командиру 2-го Сибирского армейского корпуса произвести по этому поводу расследование. Впрочем, А.А. Глищинский практически сразу обнаружил причину подобных безобразий. Дело в том, что в пос. Ново-Цурухатуй была допущена ошибка, крайне редкая встречающаяся в организации деятельности войсковых строительных комиссий, – председатель комиссии проживал «не в месте возведения построек, что не только тормозит иногда дело, но и нарушает принцип коллегиального решения вопросов, подлежащих ведению комиссии» [8, с. 412].

Однако ситуация с Ново-Цурухатуйской войсковой строительной комиссией была скорее исключением, вызванным несколькими управленческими просчетами. В целом же, несмотря на объективные трудности, вызванные сложными климатическими и географическими особенностями региона, отсутствием необходимой производственно-экономической базы для организации масштабного строительства и нормальной транспортной инфраструктуры, начало деятельности войсковых строительных комиссий в Иркутском военном округе можно признать вполне успешным. В регионе было начато невиданное по масштабам военное строительство, причем начато оперативно и результативно. Параллельно создавалась необходимая производственная база по выпуску ряда строительных материалов, прежде всего – кирпича, а также создавалась временная транспортная инфраструктура – прокладывались узкоколейные железные дороги. Более того, судя по имеющимся данным, типовые проекты казарменных сооружений достаточно успешно адаптировали к местным природно-климатическим условиям. Об этом свидетельствуют, например, особенности возведения в строительный сезон 1910 г. в г. Троицкосавске пол-

кового лазарета 20-го Сибирского стрелкового полка, при строительстве которого сначала был заложен каменно-бутовый фундамент, затем сложены цоколи, после чего «положен асфальтовый изоляционный слой и асфальт прикрыт двумя рядами кирпича» [8, с. 404]. При строительстве казарм во Владивостокской крепости (Приамурский военный округ), подобные инженерные решения никогда не применялись, а асфальт использовали лишь в качестве покрытия пола, в случае если казарму возводили на ленточном фундаменте.

Самое же удивительное то, что все это происходило при полном отсутствии каких-либо злоупотреблений «коррупционной направленности», на поиск которых была заточена сенаторская ревизия. С учетом же того, какими полномочиями обладал ревизующий сенатор и сколько всего он обнаружил в остальных делах Иркутского и Приамурского военных округов, версию о том, что А.А. Глищинский что-то пропустил всерьез рассматривать нельзя.

Рассмотрение ситуации со срочным военным строительством в Иркутском военном округе позволяет сделать еще один вывод, актуальный и в настоящее время. Любое перемещение значительной группировки войск в новые места постоянного квартирования должно сопровождаться созданием инфраструктуры, необходимой для их нормального размещения, обеспечения, обучения и т. д. Причем наиболее практичной является такая организация передислокации, при которой создание инфраструктуры предшествует переброске войск, а не наоборот. Тогда не придется и заниматься казарменным строительством «в пожарном режиме».

* * *

Завершая статью, автору хотелось бы выразить благодарность за неоценимую помощь в сборе материала для нее доктору химических наук, действительному члену Общества изучения Амурского края Приморского краевого отделения Русского географического общества – Сергею Анатольевичу Авилову.

Статья поступила 26.01.2016 г.

Библиографический список

1. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. II. Уроки Порт-Артура. 1906–1917 гг. Владивосток : Дальнаука, 2014.
2. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. IV. Инженеры Владивостокской крепости: счастливые люди. Владивосток : Дальнаука, 2015.
3. Авилов Р.С. Иркутский военный округ (1884–1899, 1906–1918 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014. № 12.
4. Авилов Р.С. Сибирский военный округ (1899–1906 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014. № 7.
5. Военная энциклопедия. Т. 11. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911.
6. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1906 г. СПб., 1908.
7. Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1908 год. СПб.: Военная типография, 1910.
8. Всеподданнейший отчет о произведенной в 1910 году, по Высочайшему повелению, сенатором Глищинским ревизии учреждений и установлений военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов. Военно-инженерное ведомство и войсковые строительные комиссии. СПб. : Государственная типография, 1911.
9. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб. : Наука, 2004.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 59.
11. Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1.
12. Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История военно-окружной системы в России. 1862–1918. М. : Центрполиграф, 2012.
13. Краткое росписание сухопутных войск. Исправленное по сведениям к 1 января 1911. СПб. : Военная типография, 1911.
14. Отчет Главного инженерного управления за 1908 год // Приложение № 4 к Всеподданнейшему отчету Военного министерства за 1908 год. СПб. : Военная типография, 1910.
15. Отчет по Главному штабу за 1906 г. // Приложение № 1 к Всеподданнейшему отчету о действиях Военного министерства за 1906 г. СПб. : Военная типография, 1908.
16. Отчет по Главному штабу за 1908 год // Приложение № 1 к Всеподданнейшему отчету Военного министерства за 1908 год. СПб. : Военная типография, 1910.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. (ПСЗ РИ III). СПб. : 1881–1913. Т. 19, 26.
18. Приказ по военному ведомству № 161 от 18 июня 1899 г. // Приказы по военному ведомству за 1899 г. СПб. : Военная типография, 1899.
19. Приказ по военному ведомству № 292 от 12 мая 1906 г. // Приказы по военному ведомству за 1906 г. СПб. : Военная типография, 1906.
20. Ращупкин Ю.М. Формирование и деятельность военных округов в системе государственной власти России: на материалах Восточной Сибири. Иркутск : Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003.
21. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра : в 2-х т. М. : Канон-пресс; Кучково поле, 1999. Т. 2.
22. Романов Г.И., Новиков П.А. Иркутское казачество (2-я половина XVII – начало XX в.). Иркутск : ООО НПФ «Земля Иркутская», 2009.
23. Росписание сухопутных войск. Исправленное по 1 мая 1910 г. СПб.: Военная типография, 1910.
24. Список генералам по старшинству. Составлен по 1 января 1910 г. Ч. I. СПб. : Военная типография, 1910.
25. Список генералам по старшинству. Составлен по 1 января 1911 г. Ч. I. СПб. : Военная типография, 1911.
26. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 марта 1910 г. Ч. I. СПб. : Военная типография, 1910.
27. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 марта 1911 г. Ч. I. СПб. : Военная типография, 1911.

28. Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и поли-

тика. М. : РОССПЭН, 2000.

References

1. Avilov R.S., Ajushin N.B., Kalinin V.I. *Vladivostokskaja krepost': vojska, fortifikacija, sobytija, ljudi, part. II: Uroki Port-Artura. 1906–1917 gg.* [Vladivostok Fortress: troops, defenses, events, persons. Part II. The lessons of Port Arthur. 1906–1918], Vladivostok : Dal'nauka, 2014.
2. Avilov R.S., Ajushin N.B., Kalinin V.I. *Vladivostokskaja krepost': vojska, fortifikacija, sobytija, ljudi, part. IV. Inzhenery Vladivostokskoj kreposti: schastlivye ljudi* [Vladivostok Fortress: troops, defenses, events, persons. Part IV. Engineers of Vladivostok Fortress: happy people], Vladivostok : Dal'nauka, 2015.
3. Avilov R.S. Irkutskij voennyj okrug (1884–1899, 1906–1918 gg.): stranicy istorii [Irkutsk Military District (1884–1899, 1906–1918): pages of history], *Voenno-istoricheskij zhurnal*, 2014. No. 12.
4. Avilov R.S. Sibirskij voennyj okrug (1899–1906 gg.): stranicy istorii [Siberian Military District (1899–1906): pages of history], *Voenno-istoricheskij zhurnal*, 2014, No. 7.
5. *Voennaja jenciklopedija* [Military Encyclopedia], vol. 11, St. Petersburg: T-vo I.D. Sytina, 1911.
6. *Vsepoddannejšij otchet o dejstviah Voennogo ministerstva za 1906 g.* [Loyal report of activity of the Military Ministry in 1906], St. Petersburg, 1908.
7. *Vsepoddannejšij otchet Voennogo ministerstva za 1908 god* [Loyal report of activity of the Military Ministry in 1908], St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1910.
8. *Vsepoddannejšij otchet o proizvedennoj v 1910 godu, po Vyso-chajshemu poveleniju, senatorom Glishhinskim revizii uchrezhdenij i ustanovlenij voennogo vedomstva Irkutskogo i Priamurskogo voennyh okrugov. Voenno-inzhenernoe vedomstvo i vojskovye stroitel'nye komissii* [Loyal report of the revision made by senator Glishinsky of the departments and charters of the Irkutsk and Primorsky Military Districts of Military Ministry in 1910. Military-engineering department and military building commissions], St. Petersburg: Gosudarstvennaja tipografija, 1911.
9. *Vyssšie i central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii 1801–1917 gg.* [Higher and central government departments in Russia in 1801–1917], vol. 1: *Vyssšie gosudarstvennye uchrezhdenija* [Higher government departments], St. Petersburg : Nauka, 2004.
10. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [State Archive of Russian Federation (SARF)]. F. 543. Op. 1. D. 59.
11. Grum-Grzhimajlo G.E. *Zapadnaja Mongolija i Urjanhajskij kraj* [Western Mongolia and Uryankhaisky Krai], Leningrad, 1926, vol. 3, issue 1.
12. Bezugol'nyi A.Yu., Kovalevskii N.F., Kovalev V.E. *Istoriya voenno-okružnoi sistemy v Rossii. 1862–1918* [History of the system of military districts in Russia in 1862–1918], Moscow : Tsentrpoligraf, 2012.
13. *Kratkoe rospisanie suhoputnyh vojsk. Ispravlennoe po svedenijam k 1 janvarja 1911* [Brief schedule for ground forces improved to January, 1, 1911], St. Petersburg : Voennaja tipografija, 1911.
14. *Otchet Glavnogo inzhenernogo upravlenija za 1908 god* [Report of Main Engineering Department for 1908], [Appendix No. 4 to Loyal Report of War Ministry for 1908], St. Petersburg : Voennaja tipografija, 1910.
15. *Otchet po Glavnomu shtabu za 1906 god* [Report of Main Staff for 1906], *Prilozhenie № 1 k Vsepoddannejšemu otchetu o dejstviah Voennogo ministerstva za 1906 god* [Appendix No. 1 to Loyal Report of War Ministry for 1906], St. Petersburg : Voennaja tipografija, 1908.
16. *Otchet po Glavnomu shtabu za 1908 god* [Report of Main Staff for 1908] *Prilozhenie №1 k Vsepoddannejšemu otchetu Voennogo ministerstva za 1908 god* [Appendix No. 1 to Loyal Report of War Ministry for 1908], St. Petersburg : Voennaja tipografija, 1910.
17. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZ RI III)* [Complete collection of laws of the Russian Empire (CCLRE III)], St. Petersburg , 1881–1913, vol. 19, 26.

18. Prikaz po voennomu vedomstvu № 161 ot 18 ijunja 1899 g. Prikazy po voennomu vedomstvu za 1899 g. [Order by the War Ministry No. 161, June, 18, 1899], St. Petersburg : Voennaja tipografija, 1899.
19. Prikaz po voennomu vedomstvu № 292 ot 12 maja 1906 g. Prikazy po voennomu vedomstvu za 1906 g. [Order by the War Ministry No. 292, May, 12, 1906)], St. Petersburg : Voennaja tipografija, 1906.
20. *Rashhupkin Ju. M. Formirovanie i dejatel'nost' voennyh okrugov v sisteme gosudarstvennoj vlasti Rossii: na materialah Vostochnoj Sibiri* [Formation and activity of the military districts in the system of state power of Russia: on the data of Eastern Siberia], Irkutsk : Vost.-Sib. in-t MVD Rossii, 2003.
21. Rediger A.F. *Istorija moej zhizni. Vospominanija voennogo ministra* [History of my life. Memoirs of War Minister], Moscow : Kannon-press, Kuchkovo pole, 1999, vol. 2.
22. Romanov G.I., Novikov P.A. *Irkutskoe kazachestvo (2-ja polovina XVII – nachalo XX v.)* [Irkutsk Kossaks (2nd half of XVII – beginning of XX cen.)], Irkutsk : OOO NPF «Zemlja Irkutskaja», 2009.
23. *Rospisanie suhoputnyh vojsk. Ispravlennoe po 1 maja 1910 g.* [The schedule for ground forces, improved to May, 1, 1910], St. Petersburg : Voennaja tipografija, 1910.
24. *Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlen po 1 janvarja 1910 g.* [List of generals according to seniority], part I, St. Petersburg : Voennaja tipografija, 1910.
25. *Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlen po 1 janvarja 1911 g.* [List of generals according to seniority], part I, St. Petersburg : Voennaja tipografija, 1911.
26. *Spisok polkovnikam po starshinstvu. Sostavlen po 1 marta 1910 g.* [List of colonels according to seniority] part I, St. Petersburg : Voennaja tipografija, 1910.
27. *Spisok polkovnikam po starshinstvu. Sostavlen po 1 marta 1911 g.* [List of colonels according to seniority], part I. St. Petersburg : Voennaja tipografija, 1911.
28. Shacillo K.F. *Ot Portsmutskogo mira k Pervoj mirovoj vojne. Generaly i politika* [From the Treaty of Portsmouth to World War I], Moscow : ROSSPJeN, 2000.

Сведения об авторе

Авилов Роман Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 690001, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, тел. (423)222-03-37; главный библиотекарь Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета, 690095, Россия, г. Владивосток, ул. Алеутская, 65-б; e-mail: avilov-1987@mail.ru

Avilov Roman Sergeevich, Candidate of Historical Science (PhD), Researcher of Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the Far East FEB RAS, 690001, Russia, Vladivostok, Pushkinskaya st. 89, tel.: (423)222-03-37; Main librarian of Far Eastern Federal University, 690095, Russia, Vladivostok, Aleutskaya st. 65b; e-mail: avilov-1987@mail.ru